

**ПРЕДПОСЫЛКИ
ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
*ОБЪЕКТИВНАЯ
ПСИХИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ***

ГЛАВА 1.1

История осознания людьми наличия объективной психической реальности (ОПР)

§ 1. Введение

Физики пишут, что в их действующих моделях Вселенной явно не хватает какой-то невидимой сущности, называемой ими темной материей. Лишь открытие этой сущности может объяснить все наблюдаемые ими явления, не вписывающиеся в традиционную картину Вселенной. То масса галактического скопления мала для такой большой скорости его движения. То видимая масса не способна так сильно исказить световые лучи. То плотности видимого вещества не хватает для объяснения особенностей его движения. Другими словами, в выстроенной ими научной картине Вселенной явно не хватает чего-то очень важного, но пока скрытого. И лишь добавление в физическую науку некой темной материи, не дающейся в руки физиков, позволит им построить более совершенную физическую модель мира.

Мне представляется, что и в моделях социальных наук тоже явно не хватает какой-то глобальной сущности, обнаружение которой помогло бы решить многие проблемы социологии, философии, эпистемологии, лингвистики, самой психологии и ряда других наук. По аналогии с физикой напрашивается название «темная материя», но только уже в науках об обществе.

Известный социолог Б. Латур (2006а, с. 199) тоже прямо говорит о том, что социологам не хватает «недостающей массы», которую они безуспешно ищут. Они постоянно, с некоторым отчаянием сосредоточены на том, чтобы обнаружить социальные связи, достаточно прочные для объединения всех нас, или моральные законы, которые были бы достаточно

незыблемыми, чтобы заставить нас вести себя должным образом. Однако при суммировании социальных связей мы не получаем требуемого итога. Нестойкие и слабые моральные принципы — вот и все, что могут обнаружить социологи. Общество, которое они пытаются воссоздать при помощи тел и норм, постоянно разрушается. Чего-то все время недостает. Такого, что было бы строго социальным и высокоморальным.

Автор прав. Между тем на протяжении двух с лишним тысячелетий лучшие умы человечества настойчиво обсуждают в разных социальных науках и под разными названиями какую-то странную сущность. Они по-разному понимают ее и пытаются даже описывать. Но в итоге получается, что упоминаемое ими нечто является чем-то вроде общей психики людей, общего сознания или некой общей области идей. При этом всем вроде бы очевидно, что есть только индивидуальное сознание. Однако не менее очевидно, что и обсуждаемая ими сущность весьма реальна.

Картина, сложившаяся к сегодняшнему дню в социологии, напоминает ту, что наблюдается в космологии. Не хватает какой-то «темной сущности», «темной социальной материи», которая мощно влияет на человеческую жизнь, но никак не дается в руки исследователей. И без которой никак не получается создание целостной картины общества и человека в нем.

Что это за «темная материя», или «недостающая масса», проявляющаяся в общественных и даже в гуманитарных науках?

Данная книга предназначена для того, чтобы показать, что это — объективная психическая реальность (ОНР).

§ 2. Термины, предшествовавшие появлению понятия *объективная психическая реальность* (ОНР)

В трудах большинства выдающихся мыслителей прошлого и серьезных исследователей, являющихся нашими современниками, можно найти упоминания об объективной психической реальности (ОНР) или ее фрагментах, хотя каждый из них обозначает ее по-своему: мир идей и мир эйдосов (Платон, 1968); описываемые им же универсальные совершенные формы Сократа (Платон, 1993); вещи, которые не истинны и не ложны (Г. Галилей, цит. по: А. В. Койре, 2003, с. 128–153); врожденные идеи (Р. Декарт, 1994); модусы (Б. Спиноза, 1957); априорные категории сознания, чистые априорные суждения, идеи разума, иллюзорные ошибки и видимости разума (И. Кант, 1980; 1994); абсолютная идея, объективный дух и универсум, мировой дух, мировой разум (Г. Гегель, 2000); универсум высказываний в себе и истин в себе, суждения сами по себе (Б. Больцано, цит. по: К. Р. Поппер, 2002, с. 109); мировая воля (А. Шопенгауэр, 2011); коллективный дух,

душа народа (В. Вундт, 2002); третья область и универсум объективного содержания мысли (Г. Фреге, цит. по: К. Поппер, 1983, с. 440); миры мысли (У. Джеймс, 2000); царство чистых предельных форм, жизненный мир, общий дух, общая воля народа (Э. Гуссерль, 1995); коллективные представления, факты коллективного сознания (Э. Дюркгейм, 1995); объективный дух, исторически-духовный мир (Н. Гартман, 1997); душа культуры (О. Шпенглер, 2006); соборное сознание (С. Н. Трубецкой, 1994); символический универсум (Э. Кассирер, 2002); мир универсалий (Б. Рассел, 2000); единовременное культурное качество (П. Сорокин, 2007); ноосфера (Э. Леруа (Le Roy E., 1927; П. Тейяр де Шарден, 2001; В. И. Вернадский, 1944); космическое сознание (Э. Фромм, 2004); коллективный опыт человечества (Л. Н. Гумилев, 2004); третий мир (К. Поппер, 1983; 2002); космическое бессознательное (Д. Судзуки, 2002); душа толпы (Г. Лебон, 1995); бессознательное как речь Другого (Ж. Лакан, цит. по: П. Горностаи и Т. Титаренко, 2001); коллективные представления, коллективное сознание (Л. Леви-Брюль, 1999); жизненное пространство (К. Левин, 2000); мир Платона (Р. Пенроуз, 2011); мир, нами самими созданный (И. Гердер, цит. по: Р. Смит, 2014, с. 185); идея мира смыслов как пограничного царства, расположенного между миром ценностей и миром бытия (Г. Риккерт, 1998); коллективное бессознательное (К. Юнг, 1991); мир систематического единства абстрактно-общих моментов (М. М. Бахтин, цит. по: А. А. Леонтьев, 2001, с. 265); логосфера (Р. Барт, 1994); групповая душа, объективный дух, групповой дух, социальная сфера современников и историческая сфера предков (М. Шелер, 2011); бессознательные структуры (К. Леви-Стросс, 2001; М. Фуко, 2004); предрассудки (Х.-Г. Гадамер, 1988); смысловое поле (Л. С. Выготский, 1982); воображаемый музей (А. Мальро, 2005); между-мирие (М. Мерло-Понти, цит. по: В. Декомб, 2000, с. 72–73); коллективное верование, социальная вера, мир обычаев, мышление эпохи, идеи эпохи, дух времени (Х. Ортега-и-Гассет, 1997); социальный разум, социальное сознание, или осознание общества (Ч. Х. Кули, 2019); транссубъективное пространство (Д. Н. Узнадзе, 2004); символический универсум, смысловой универсум, объективная социальная структура (П. Бергер и Т. Лукман, 1995); жизненный мир (Л. Бинсвангер, 1999); интеллигибельная материя (М. К. Мамардашвили, 2001); сверхприродная объективная действительность (Э. В. Ильенков, 1979/1991); многомерный мир (А. Н. Леонтьев, 1983); действительность второго порядка (П. Вацлавик (P. Watzlawick, 1977)); семантическая вселенная (В. В. Налимов, 2007); семиосфера (Ю. М. Лотман, 2004); мир значений (А. А. Леонтьев, 2001); психосфера (В. А. Звегинцев, 1968); знаемый мир (А. Д. Логвиненко, 1985); глобальная социальная память (М. А. Розов, 2009); мир субъективных категорий (О. А. Корнилов, 2013); надындивидуальные, надсознательные явления (А. Г. Асмолов, 2002); вещи,

хранящиеся в человеческом сознании как общее достояние (А. А. Шевцов, 2004); многомерное пространство жизни (В. Е. Ключко, 2005); общественное сознание (советский марксизм); массовое сознание, коллективное сознание, социальное сознание или дух; коллективная душа; народный дух; дух нации; логические предметы; идеальные предметы; идеальная структура вещи; интересубъективный мир и т. д. и т. п.

Перечень сходных по смыслу сущностей можно еще долго продолжать. Например, только среди предшественников, создавших теории, сходные с его собственной теорией «третьего мира», К. Поппер (2008, с. 83) упоминает Гесиода, Ксенофана, Гераклита, Парменида, Платона, Аристотеля, стоиков, Плотина, Г. Лейбница, Б. Больцано и Г. Фреге.

Трудно напрямую соотносить множество перечисленных мною выше конструктов, даже не созданных в абсолютном своем большинстве, а лишь задуманных разными исследователями, с вербальной психической конструкцией, формирующей то, что я обозначаю понятием *объективная психическая реальность*. Трудности эти обусловлены не только существенными различиями в мировоззрениях исследователей и особенностях концептуализации ими мира и психики, но и незавершенностью их собственных представлений о рассматриваемой ими сущности. Однако совершенно очевидно, что и эти, и многие другие авторы говорили примерно об одном и том же, понимая это каждый по-своему и рассматривая с разных позиций.

Как видно из приведенного выше списка, уже более 2500 лет мыслители обсуждают объективный психический мир, выделяя его наряду с объективным физическим миром и субъективным психическим миром индивидуального сознания.

Большинство перечисленных выше авторов были не психологами, а философами и универсальными мыслителями, занимавшимися самыми разными областями знания. Возможно, именно поэтому обозначенные ими сущности в большинстве своем недостаточно конституированы и аморфны. Предложенные сущности не столько могут претендовать на реальное наличие в мире, сколько подтверждают сам факт наличия в реальности чего-то не очень понятного, но очевидно присутствующего в ней и при этом, несомненно, имеющего отношение к человеческой психике и обществу.

Одни из перечисленных выше сущностей представлены лишь в виде названий. Например, объективный дух (Г. Гегель, 2019, 2019а; Н. Гартман, 2003); групповая душа и групповой дух (М. Шелер, 2011); исторический дух (Н. Гартман, 2003); надиндивидуальное сознание, всемирное и мировое сознание (П. Я. Чаадаев, 2011), соборное сознание (С. П. Трубецкой, цит. по: Л. И. Василенко, 2013), коллективный интеллект (Н. Н. Моисеев, 1999) и многие другие.

В некоторых работах представлены краткие определения обозначенных авторами сущностей. Например, М. Шелер (2011, с. 15) рассматривает объективный дух как «воплощенный в какой-либо материи или воспроизводимых психофизических деятельности смысл». Символические универсумы в понимании П. Бергера и Т. Лукмана (1995, с. 157–158) — это системы теоретической традиции, впитавшие различные области значений, матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений.

Абсолютное большинство предложенных сущностей не были сформированы окончательно, хотя и представлены уже вербальными концептами, впрочем, весьма аморфными. Например, сознание классовое и сознание групповое (Л. Уайт, 2004, с. 205; А. Ребер, 2001, с. 289; Р. С. Немов, 2007, с. 403; К. К. Платонов, 1984, с. 89); коллективное сознание (С. Москвичи, 1998, с. 163); национальное сознание (Д. В. Ольшанский, 2003, с. 323; В. Г. Крысько и Д. И. Фельдштейн, 1999, с. 176–177). К той же группе сущностей, представленных не вполне завершенными вербальными концептами, можно отнести большую часть и других рассматриваемых исследователями сущностей (общественное сознание, массовое сознание и т. д.)¹.

¹ В. П. Галкин (1997), например, предлагает такой концепт, формирующий сущность, обозначенную словосочетанием «общественное сознание»: совокупность сходных вербальных психических конструкций (терминология моя. — С. П.), имеющихся у множества членов общества (взгляды, представления, идеи, теории), или совокупность сходных реакций и мнений значимой части членов общества на те или иные явления.

Т. Б. Сергеева (2009, с. 115–116) считает общественное сознание целостным образованием, обладающим внутренней структурой, включающей в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское). В. Г. Кузнецов (2007, с. 380) и В. И. Левин (2010, с. 42) рассматривают общественное сознание как совокупность всех результатов духовного творчества людей (взгляды, представления, идеи, политические, юридические, эстетические, этические и другие теории), представленную на двух уровнях — обыденного и теоретического сознания — в таких формах, как мораль, искусство, религия, наука, философия, идеология.

Словосочетание «массовое сознание» исследователи тоже трактуют по-разному. Р. С. Немов (2007, с. 403), например, понимает под этим систему психологических явлений, характерных для больших, неорганизованных объединений людей (масс и толп), включающую в себя знания, убеждения, потребности, нормы, ценности, отношения, общие эмоциональные переживания. Эта система формируется как выражение социально-психологического состояния общества в данный момент и проявляется массовыми настроениями, общественным мнением, а также легитимными и нелегитимными действиями.

Д. В. Ольшанский (2001, с. 355) считает массовое сознание одним из видов общественного сознания. М. Р. Жбанков (1999, с. 406) использует этот термин для обозначения формирующегося под действием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры шаблонного, деперсонализованного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей.

К самой малочисленной группе относятся сущности, определения которых довольно хорошо разработаны их авторами. Это, например, символический универсум Э. Кассирера (1988), который пишет, что у человека есть символическая система: «Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. ... Человек живет не просто в более широкой реальности, он живет как бы в новом измерении реальности. ... Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть» (1988, с. 28–29).

Автор справедливо полагает, что человек настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Даже в практической сфере человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он приводит слова Эпиктета: «То, что мешает человеку и тревожит его, — это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах» (1988, с. 29).

Наиболее подробно разработанной представляется мне сущность, предложенная К. Поппером (1983, 2002) и названная им «третий мир».

К. Поппер (1983, с. 439–440) различает три мира, или универсума: мир физических объектов или физических состояний; мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний и, возможно, диспозиций к действию; и мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Он указывает, что обитателями его третьего мира «являются прежде всего теоретические системы, другими важными его жителями являются проблемы и проблемные ситуации. Однако его наиболее важными обитателями... являются критические рассуждения и то, что может быть названо — по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания — состоянием дискуссий или состоянием критических споров; конечно, сюда относятся и содержание журналов, книг и библиотек» (1983, с. 440–441).

Он продолжает: «Большинство оппонентов идеи об объективном третьем мире, конечно, допускают, что существуют проблемы, предположения, теории, аргументы, рассуждения, журналы и книги. Но они обычно говорят, что все эти явления по своему характеру являются символическими или лингвистическими выражениями субъективных ментальных состояний или, возможно, поведенческих диспозиций к действию. <...> В противоположность этому я утверждаю, что все эти явления и их содержание нельзя относить ко второму миру» (там же).

По мнению автора, «...третий мир есть естественный продукт человеческого существа, подобно тому, как паутина является продуктом поведения паука... третий мир в значительной степени автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то, что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, то есть воздействием на нас как жителей второго и даже первого мира... в результате указанного взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания, и существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, то есть эволюцией растений и животных» (2002, с. 114)¹.

К. Поппер, несомненно, внес важный вклад в понимание проблемы дополнительного по отношению к физической реальности идеального мира. Однако нельзя не отметить, что знакомство с его представлениями об этом мире не позволяет читателю сформировать ясной и целостной картины, а тем более принять в качестве сущностей этого мира многие объекты, помещенные туда автором.

Нельзя, например, согласиться с утверждением К. Поппера (2000, с. 71–72), что этот мир содержит язык, творения человека в живописи, архитектуре и музыке, а также все книги и библиотеки. С тем, что центральная роль в нем отводится понятиям истинности и ложности. Что мир этот даже состоит в значительной степени из физических объектов, таких как книги, здания и скульптуры, и в нем обитают симфонии. Впрочем, автор, видимо, пытается выразить мысль о некоем своеобразии физических объектов своего третьего мира. Но, как мне кажется, это получается не очень удачно.

Так, К. Поппер пишет, что в третьем мире «...есть мраморные скульптуры, такие как скульптуры Микеланджело. Это не просто материальные, физические тела, а уникальные физические тела. Статус картин, архитектурных сооружений, рукописей музыкальных произведений и даже статус редких экземпляров печатных книг в чем-то подобен этому статусу, но, как правило, статус книги как объекта мира 3 совершенно другой» (2000, с. 72).

Однако не вызывает сомнений тот факт, что в любом случае вклад К. Поппера в разработку проблемы ОНР огромен и превышает вклады других исследователей.

Многие исследователи рассматривают отдельные проблемы, вопросы и аспекты того, что я называю объективной психической реальностью.

Г. Бейтсон (2007, с. 17) считает, например, самым известным открытием Платона открытие «реальности» идей. Он пишет (там же), что мы обычно относим обеденную тарелку к реальности, а ее круглую форму — лишь к идеям. Платон же заметил, что воспринимаемый мир содержит множе-

¹ Более развернуто представления К. Поппера о «третьем мире» приведены в Примечании 1.

ство объектов, которые напоминают «круглую форму», приближаются или стремятся к ней, и заявил, что «круглая форма» идеальна (прилагательное от слова «идея». — *С. П.*) и что подобные идеальные компоненты мироздания — реальная основа для объяснения его форм и структур. По словам Г. Бейтсона (там же), для Платона, как и для Уильяма Блейка (1757–1827) и многих других, «вещественный мир», который наши газеты считают «реальным», был чем-то вроде побочного продукта истинной реальности форм и идей, потому что вначале была идея.

В литературе есть множество указаний на сосуществование разных миров. Г. Гегель (цит. по: А. А. Шевцов, 2004, с. 474), например, полагает, что содержание наших знаний составляют отчасти предметы, которые мы познаем посредством чувственных восприятий, отчасти же предметы, основой которых является сам дух. Первые составляют чувственный мир, вторые — умопостигаемый. И, например, правовые, нравственные и религиозные понятия относятся к последнему.

Э. Дюркгейм (2018, с. 733) тоже пишет, что существует два противоположных друг другу мира, к которым мы принадлежим в равной степени. С одной стороны, это мир опыта и ощущений, а с другой — это безличный мир чистого разума.

Рассматривает два мира и Б. Рассел (2000). По его (2000, с. 228) мнению, один представлен вещами, существующими строго определенное время. Другой представлен универсалиями, существующими вне времени. Мир универсалий — это мир бытия, неизменный, строгий, точный. Мир существования изменчив, без точных границ, без ясного плана и организации, но он содержит все чувства и мысли, все чувственные данные, все физические объекты, все, что может вызывать или добро, или зло, все, что изменяет ценности жизни и мира. Оба мира реальны и важны.

Г. Фреге (1997, с. 47) указывает, что следует различать внешний мир чувственно воспринимаемых вещей и область того, что не может быть воспринято с помощью чувств. Например, мысль, высказанная в теореме Пифагора, вневременна, вечна, неизменна.

П. П. Гайденок (2007, с. 188) пишет, что, согласно И. Канту (1965, с. 304), человек — житель двух миров: чувственно воспринимаемого, где он подчинен законам природы, то есть пространственным и временным определениям, и сверхчувственного, где он свободно подчиняет себя умопостигаемому — нравственному — закону, над которым не властно время. И. Кант (1965, с. 304) мыслит сверхчувственный, умопостигаемый мир в качестве «совокупности разумных существ как вещей самих по себе».

Дж. Келли (2000, с. 17) замечает, что, поскольку живой организм способен репрезентировать свое окружение, он может подставлять на его

место альтернативные конструкции и фактически что-то делать со своим окружением, если оно ему не подходит. Тогда мир для живого сознания реален, но отнюдь не непоколебим.

Р. Пенроуз (2011, с. 368) замечает, что, говоря о «мире Платона», мы приписываем ему некий вид реальности, которая определенным образом сравнима с реальностью физического мира. С другой стороны, сама реальность физического мира кажется уже менее очевидной, чем она представлялась до появления теории относительности и квантовой механики, точность которых обеспечивает почти математический абстрактный уровень существования нашей физической реальности. И Пенроуз задает вопрос: возможно, в каком-то смысле эти два мира на самом деле один и тот же мир?

Дж. Лакофф (2004, с. 273–274) указывает, что одним из краеугольных камней объективистской парадигмы является убеждение, что человеческий ум не может творить реальность. Он утверждает ложность этого убеждения и его противоречие данным культурной антропологии. Автор (2004, с. 274–275) утверждает, что культурные категории реальны благодаря человеческой деятельности. Правительства реальны. Они существуют. Однако они существуют только потому, что люди придумали их и затем действовали в согласии с этой концептуализацией. Вообще продукты человеческого воображения играют огромную роль в создании реальности. Деревья и скалы могут существовать независимо от человеческого ума. Правительства — не могут.

Дж. Лакофф (2004, с. 384) доказывает, что многие из наших наиболее важных истин не являются истинами, относящимися к материальному, физическому миру. Они возникают в соответствии с концептуальной системой, о которой нельзя сказать, что она полностью соответствует реальности и независима от человеческого опыта. Человеческий опыт столь же реален, как скалы и деревья, кошки и коврики. Поскольку мы действуем в соответствии с нашей концептуальной системой и поскольку наши действия реальны, наша концептуальная система играет главную роль в создании реальности.

Я могу лишь добавить, что даже физические объекты на самом деле далеко не так независимы от человеческого ума, как принято считать. Но об этом мы подробнее поговорим позже.

М. К. Мамардашвили (2002, с. 21) пишет о существовании некоего культурного котла, в котором человек варится и в котором производится нечто, природой не порожаемое. Сам котел тоже человеческое изобретение. Мифы, ритуалы, символы изобретены человеком, и упаковано все это в многотысячелетнюю историю, «раскрутить» которую почти невозможно.

А. А. Леонтьев (2001, с. 262) подмечает, что человек живет в мире человеческом. Что его отношения к физическому миру преобразуют вещи

в предметы, «одухотворяют» мертвую действительность. Что человек в очень большой степени сам конструирует эту действительность, предопределяя в ней свою деятельность и создавая среду человеческих предметов, не существующих без человека.

Что же все эти сущности (мир универсалий, значимый мир, дух времени, идеи эпохи, третий мир и т. п.) представляют собой с точки зрения психической феноменологии? Главное, где они пребывают?

В. П. Зинченко (2002, с. 335) замечает, что психология все еще ищет адекватные термины для обозначения этих «третьих вещей», «понимательных вещей», «интеллигибельной материи», как их называл тоже искавший термин М. К. Мамардашвили (2002).

Ему вторит А. Г. Асмолов (2005, с. 225), полагающий, что вопросы о природе надындивидуальных, надсознательных¹ явлений так и остаются только вопросами. Автор задается вопросом: как проникнуть во все эти надындивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение?

В литературе широко представлены многочисленные попытки исследовать сущности объективной психической реальности (терминология моя. — С. П.), их связи с индивидуальным сознанием и механизмы взаимного влияния.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 258) рассматривает, например, влияние на индивидуума доминирующих в обществе идей разного рода и обсуждает механизмы этого процесса. Он пишет, что индивидуальная жизнь ввергнута в определенные обстоятельства коллективной жизни. И этой коллективной, анонимной жизни соответствует свой мир, свой набор убеждений, с которыми так или иначе приходится считаться и индивиду. Мир коллективных верований, называемый «идеями эпохи», «духом времени», значим сам по себе, помимо и даже вопреки нам.

По словам автора (1997, с. 258), убеждение, каким бы твердым оно ни было, значимо только для человека. Но идеями времени, носящимися в воздухе, убеждениями живет некий анонимный субъект — общество. Они сохраняют значимость, даже если человек их не приемлет. Их категорическую требовательность он чувствует, сколько бы ни отрицал ее. Они налицо, они стоят перед ним с неотвратимостью стены, которую он должен волей-неволей учитывать, поскольку ему не пройти сквозь нее, а нужно безропотно искать дверь или же посвятить жизнь ее пробиванию.

¹ Надындивидуальные надсознательные явления, по мнению А. Г. Асмолова, «...представляют собой прижизненно усвоенные индивидом (как членом той или иной социальной общности) образцы поведения и способы познания, характерные для этой общности. ...Присутствуя в психике субъекта, имеют социокультурное происхождение. ...Играют огромную роль в упорядочении сознательных явлений и организации опыта субъекта. ...Усваивая в онтогенезе эти "образцы", ребенок создает свою индивидуальную систему значений, которая характеризует его как члена данного общества» (2002, с. 244).

Да, действительно многие идеи «с неотвратимостью стены стоят перед нами». Но как и почему? Они же всего лишь чьи-то старые мысли? Каким образом они трансформировались в окружающую меня объективную реальность, воздействующую на мою жизнь?

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 258) поясняет, что дух времени, значимый мир воздействует на жизнь каждого не просто потому, что он налицо, что я пребываю в нем и в нем же вынужден двигаться и существовать, а потому, что большая часть моего мира, моих верований коренится в коллективном их наборе, совпадает с коллективными верованиями. Дух времени, идеи эпохи, по существу и в подавляющем большинстве живут во мне, стали моими. Человек с малых лет впитывает убеждения своего времени, иначе говоря, включен в общеобязательный мир.

Идеи этого яркого мыслителя¹ вносят много нового в понимание роли объективного психического содержания сознания членов общества.

§ 3. Бывает ли психическая реальность объективной?

Существуют разные определения реальности. Одни авторы рассматривают ее максимально узко, связывая термин с его первоначальным значением: реальность (от лат. *realis* — «вещественный, действительный») — это вещьественность. Однако большинство авторов существенно расширяют значение этого понятия:

- аспекты физического мира, которые могут быть публично и надежно измерены (например, Р. С. Немов (2007, с. 363–364); А. Ребер (2001, с. 182));
- то, что не является продуктом вымысла или фантазии (например, С. Б. Давлетчина (2005, с. 34));
- конструкторы, которые являются выводимыми или поддающимися толкованию с помощью логической индукции или теоретического анализа, но не являются измеримыми в вышеуказанном смысле, в частности гравитация, естественный отбор, личность и т. д. (например, А. Ребер (2001, с. 182));
- то, что человек считает или рассматривает как действительно (лично для него) существующее, например реальность Бога для данного человека, его собственные ощущения, переживания, мысли, свобода воли и т. п. (например, Р. С. Немов (2007, с. 363–364));

¹ См. Примечание 2.

- все то, что индивид считает «реальным». В том числе: добрая воля, призраки, Бог и т. д. (А. Ребер, 2001, с. 182); «все существующее, весь материальный мир, включая все его идеальные продукты, в том числе — реальные ошибки и иллюзии» (Д. Десятерик, 2005, с. 146).

Исходя из широкого определения реальности вряд ли у кого-либо может вызывать сомнения реальность содержания человеческого сознания.

Можно, пожалуй, только отметить, что понятие *реальность* слишком расширилось, а эта сущность слишком расплылась и в значительной степени утратила роль эффективной репрезентации мира. Но данное понятие настолько глубоко вошло в наш язык и гуманитарные науки, что не позволяет нам просто отказаться от него.

Значением слова «объективное» тоже является аморфный вербальный концепт с размытыми границами, поэтому правильнее было бы отказаться и от этого термина. Однако он тоже очень широко используется, и сделать это практически невозможно.

Д. Дэвидсон (1993, с. 145) прав, утверждая, что сама мысль о том, что наши реакции не являются, скажем, простыми откликами на возбуждение нервных окончаний, а относятся к внешним объектам, ситуациям и событиям, зависит от нашей коммуникации с другими людьми, взаимодействующими с теми же самыми вещами.

Иными словами, можно считать объективным то, что сходно репрезентируется сознанием разных людей. И об этом мы можем узнать, только общаясь с ними. Поэтому наиболее распространенным и общепринятым значением слова «объективное» является следующее: нечто реальное, существующее вне индивидуального сознания и независимо от него, доступное иному сознанию и повторно доступное сознанию индивидуума.

Ф. Капра и П. Ф. Луизи (2020, с. 261) пишут, что объективное описание природы стало идеалом, к которому должна стремиться наука. Однако квантовая теория показала, что этот классический идеал объективной науки не работает. Мы пришли к пониманию того факта, что в практике научного исследования всегда неявно присутствуют субъективные измерения, хотя обычно они не находятся в центре внимания. А в науке о сознании даже сами данные, подлежащие анализу, оказываются чем-то субъективным — внутренним опытом.

В то же время на необычный факт объективизации психического давно обращали внимание разные исследователи. В. Дильтей (1996, с. 99), например, замечает, что в языке, мифах, литературе, искусстве и истории мы видим как бы объективированную психическую жизнь, прочное образование, построенное из психических составных частей и по их законам. Э. Гуссерль (2000, с. 572) пишет об идеальных сущностях, обладающих

объективностью, и приводит в качестве примеров прямые отрезки, треугольники и окружности.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 374–375) справедливо полагает, что определенные пласты нашей жизни уже не несут в себе индивидуального содержания, они имеют статус всеобщности, или «объективны». Не могут, например, существовать «индивидуальная» математика или «личный» арифметический счет. Напротив, когда человек мыслит цифрами, он арифметизирует свою субъективную истину, и его истинность состоит именно в подключенности к объективной истине.

Интересную точку зрения высказывает К. Манхейм в своей книге «Идеологии и утопии», вышедшей в свет в 1929 году (цит. по: В. И. Порус, 1998, с. 228): мыслят не люди как таковые, не изолированные индивиды, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации. Индивид лишь участвует в некоем процессе мышления, возникшем задолго до него. Он попадает в унаследованную ситуацию с соответствующими ей моделями мышления и пытается разработать унаследованные типы ответа или заменить их другими для того, чтобы более адекватно реагировать на новые вызовы, явившиеся следствием преобразований данной ситуации.

Я бы, впрочем, уточнил, что мыслит все же индивид, но он использует в своем мышлении распространенные в обществе вербальные психические конструкции, чаще всего созданные ранее другими людьми. И мыслит действительно часто «в специфическом стиле», возникшем задолго до него. Иными словами, он вынужден использовать только известные понятия, строго определенную концептуализацию мира и известные теории, созданные обществом до его появления на свет.

К. Хьюбнер (1998, с. 254) обсуждает «исторические правила», под которыми понимает правила, определяющие мышление и поведение людей и действующие не так непосредственно, как естественно-научные законы, только в исторически ограниченное время и на географически ограниченном пространстве. В качестве примеров он приводит поведение римлянина во времена республики, человека эпохи барокко, человека научно-технической цивилизации, поведенческий кодекс джентльмена Британской империи прошлого столетия; правила языка, художественный стиль, правовые и хозяйственные системы, политические идеологии, религиозные ритуалы Античности, Средневековья и современности.

Автор (1998, с. 254) утверждает, что вся наша жизнь с самого начала и до конца определяется такими историческими правилами. Причем в исторических и гуманитарных науках они служат такой же основой для объяснения поведения людей, какой являются в естественных науках законы при объяснении материальных процессов.

Г. Г. Шпет (2007, с. 68) совершенно справедливо утверждает, что идея, смысл, сюжет — объективны. Идея может влезть или не влезть в голову философа. Ее можно вбить в его голову или невозможно. Но она есть, и ее бытие нимало не определяется емкостью его черепа. Даже то обстоятельство, что идея не влезает в его голову, можно принять за особо убедительное доказательство ее независимого от философа бытия.

М. М. Бахтин (цит. по: Б. Мещеряков и В. Зинченко, 2004, с. 517) тоже говорит, что идея — это не субъективное, индивидуально-психологическое образование с «постоянным местопребыванием» в голове человека. Она интериндивидуальна и интерсубъективна. Сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея — это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний¹.

Учитывая все эти перечисленные выше совершенно верные мысли, нельзя не согласиться с тем, что **объективными могут быть не только доступные восприятию физические сущности, например предметы и физические объекты, в том числе даже языковые конструкции, но и присутствующие в сознании множества людей их одинаковые вербальные репрезентации (одинаковые идеи), способные экстериоризироваться в форме этих языковых конструкций.**

Следовательно, термин «объективное» можно использовать и для обозначения сходного психического содержания, присутствующего сразу во множестве сознаний, в отличие от того субъективного содержания, которое присутствует лишь в сознании индивидуума. При этом **огромная часть содержания субъективного по своей сути индивидуального сознания является по своему смыслу общим для множества людей, так как очень сходно что-то репрезентирует. То есть субъективная по форме психическая реальность может быть объективной по своему содержанию.** Иначе говоря, **она может быть психической, но одновременно объективной.**

Итак, проблему объективной психической реальности люди с интересом обдумывают и обсуждают, используя самые разные названия, на протяжении последних двух с половиной тысячелетий. Э. Кассирер (2002, с. 30) замечает применительно к тому, что я называю ОНР: «С тех пор как Платон в "Софисте" поставил... проблему системного "сообщества" чистых идей и форм — ее не оставляют в покое на протяжении всей истории философской мысли».

Впрочем, Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 268) отмечают, что нет вообще ни одной идеи в современной философии, которую нельзя

¹ С позиций психической феноменологии я готов принять мнение автора, который не был психологом, об интериндивидуальности и интерсубъективности идей лишь в качестве метафоры.

было бы отследить вплоть до Древней Греции. Причем довольно легко можно отыскать предшественников любой новаторской мысли или доктрины. У всех значительных доктрин очень древние корни.

И. Валлерстайн (2020, с. 55) тоже пишет, что практически ни одна картина мира не может претендовать на совершенную новизну. Как правило, несколько десятилетий или веков назад кто-то уже говорил нечто подобное. Поэтому, когда мы говорим о новой системе взглядов, мы имеем в виду, что мир впервые готов всерьез воспринять ее идеи, а возможно, и то, что эти идеи поданы в наиболее достоверном и доступном для большинства людей виде.

Мне представляется, что давно и несомненно назрела необходимость рассмотрения и изучения этой «интерсубъективной» области, этого «символического универсума», а точнее, даже целого мира психических явлений, существующего, как полагает множество исследователей, наряду с миром физическим. Тем более что для всех по-прежнему остается непонятной природа этой огромной области, сущности, ее «населяющие», происходящие в ней процессы и изменения, связь этого «универсума» с индивидуальной психикой и многое, многое другое. Вообще этот мир остается terra incognita, неизвестной и ничейной землей, к исследованию которой имеет смысл перейти.

Тезисы

1. Существует область реальности, которая не является физическим миром, но обладает отдельными его свойствами: дана всем людям, не зависит от индивидуального сознания, живет по своим внутренним законам. Она представляет собой нечто вроде объективной, но в то же время психической реальности, присутствующей для людей наряду с объективной физической реальностью.
2. На протяжении двух тысячелетий она под разными названиями — идеальный мир Платона, ноосфера, общественное сознание, массовое сознание, третий мир и т. п. — в разном контексте упоминается и даже обсуждается в научной литературе.
3. До сих пор нет понимания того, что она собой представляет с точки зрения психологии и смежных наук, где она пребывает, как связана с индивидуальным сознанием, как соотносится с реальностью физической и т. д.

ГЛАВА 1.2

Психические предпосылки появления ОПР

§ 1. Реальность и психика

Обсуждать объективную психическую реальность невозможно без предварительного рассмотрения основных представлений о психических феноменах и механизмах, принимающих участие в ее формировании и функционировании. Поэтому еще раз кратко изложу известные и некоторые новые представления о психике и ее явлениях, подробно обсуждавшиеся мною ранее (С. Э. Поляков, 2011; 2017), но имеющие непосредственное отношение к теме книги.

Вне человека существует «реальность в себе», не зависящая от него, если не учитывать его деятельность в ней, но целиком определяющая его жизнь. Она не структурирована в себе самой в форме предметов и явлений, их свойств и действий, так как подобную концептуализацию осуществляет репрезентирующее ее человеческое сознание. Ее нельзя разделить на физический, социальный и психический миры. Она не имеет вне человеческой психики чувственных качеств, то есть невидима, безмолвна, не обладает запахом, вкусом и т. д. Мы не можем знать, что она такое «сама по себе», так как она дана нам только в форме наших же психических репрезентаций.

Все то, что человек обнаруживает в собственном сознании, обладает для него бесспорной, хотя и качественно разной реальностью. Различия в субъективной реальности психических явлений обусловлены особенностями самих психических феноменов — образов восприятия, воспоминания и представления. Характер, или качество, реальности задается в том числе созданной ранее нашими предшественниками и усвоенной нами репрезентацией мира, в рамках которой появляются актуальные репрезентации реальности.

Психика — это нечто вроде создаваемого живым организмом инструмента, предназначенного для репрезентирования «реальности в себе» и действующего в ней организма, а также возможных изменений реальности и организма в будущем. Это специфическое устройство с совершенно непонятной пока науке природой трансформирует никак иначе не постижимую для человека «реальность в себе» в доступную ему антропоморфную предметную и вещественную физическую форму. **Основной функцией психики является адекватное репрезентирование непрерывно изменяющейся «реальности в себе» и действий в ней организма.**

Антропоморфное репрезентирование происходит в человеческой психике — специфической «внутренней среде», или субстрате, создаваемом организмом. Оно делает «реальность в себе» доступной и в определенной степени более понятной, то есть предсказуемой для организма. Все, уже репрезентированное в психике ранее, легко воспроизводится в ней в дальнейшем, а потому знакомо и относительно понятно для организма.

Принято считать, что психика — это функция мозга, то есть она рождается мозгом. Хотя, во-первых, организм в целом, например, играет в ее появлении не меньшую роль, чем мозг. Достаточно, в частности, снизить уровень глюкозы в крови или уменьшить содержание кислорода во вдыхаемом воздухе, чтобы человек потерял сознание. Во-вторых, известно, что тело и психика оказывают друг на друга заметное для наблюдателя влияние. Следовательно, характер связи между мозгом и психикой нам до сих пор не вполне понятен.

Психика проявляется в виде разных психических явлений, или феноменов: простых — ощущения, мгновенные психические образы¹, эмоции и желания, и сложных — психические конструкции (чувственные, вербальные и смешанные).

Простые психические феномены — это то, что невозможно разложить на более элементарные явления, например ощущения и мгновенные образы. Самыми короткими по продолжительности (десятки и сотни миллисекунд) ментальными образами являются мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления). В субъективном психическом настоящем времени «помещается» по крайней мере несколько последовательных мгновенных образов, репрезентирующих то, что только что было, но уже ушло, и то, что только что появилось в окружающем мире (а соответственно, и в нашей психике).

Ассоциируясь между собой, ощущения и мгновенные образы способны формировать новые сложные психические феномены — психи-

¹ Мгновенными зрительными образами восприятия я называю сенсорные визуальные феномены, существующие в сознании минимальное время и субъективно оцениваемые как факт наличия внешнего объекта. Есть также мгновенные образы представления и воспоминания.

ческие конструкции. Простые психические феномены могут возникать и существовать в сознании самостоятельно, не нарушая этим единства психических конструкций, в которые могут входить в качестве структурных элементов.

Сложные психические феномены, или психические конструкции, — это не просто случайные наборы связанных между собой мгновенных образов и ощущений, обладающие лишь суммой свойств этих явлений, а самостоятельные новые целостные психические феномены с новыми свойствами. Новое целое, возникающее в результате такой ассоциации, больше, чем сумма составляющих его частей, и способно выполнять в психике новую функцию — репрезентировать сущности окружающего мира и самой психики. Психические конструкции бывают чувственные, вербальные и смешанные.

Важнейшей частью психики является то, что принято называть «я» или «самость». «Я» — это в первую очередь интегрированная психическая репрезентация организма-носителя — активно действующего в мире тела со всей совокупностью проприоцептивных, interoцептивных, тактильных, кинестетических, болевых, температурных и других ощущений от него и образов восприятия его частей, а также репрезентация самой психики, порождаемой этим телом. Все эти репрезентации создают специфическое комплексное и интегрированное ощущение наличия в данный момент и существования во времени уникального «я», или переживания собственного присутствия в мире. Своего рода совокупная репрезентация уникальных психических репрезентаций.

Анализ содержания собственного сознания обнаруживает в нем несколько разных частей: 1) последовательность меняющихся зрительных образов восприятия объектов, доступных взгляду, и слышимых звуков, ощущения; 2) глобальную модель-репрезентацию окружающего мира (представляемо-вспоминаемый образ окружающего мира, или картину мира в форме условной, приплюснуто-вытянутой в разном направлении сферы диаметром от нескольких метров до бесконечности); 3) переживание наличия «я» (чувство «я»); 4) то, что можно назвать «преимущественно вербальным телетайпом», — последовательно возникающие в сознании понятия и конструкции из них, невербальные образы воспоминания и представления, тоже репрезентирующие окружающий мир и собственные психические явления, «я» и даже сам факт рефлексии психикой собственных вербальных и чувственных репрезентаций, то есть нечто вроде «репрезентации репрезентаций репрезентаций».

Возникающие в сознании психические явления представляют собой психические репрезентации, то есть не «зеркальные отражения» элементов «реальности в себе», как полагали раньше большинство исследователей, а лишь адекватные в разной степени психические знаки этой реальности.

Загадка в том, что эти репрезентации, если мы правильно понимаем сущность психических явлений, возникают как бы для кого-то. Как репрезентации они не могут формироваться сами для себя.

Исходя из нашего опыта и унаследованных нами от предшественников трафаретов миропонимания, кто-то или что-то должно подвергаться их рассмотрению. Говоря метафорически, если кино никто не смотрит, его создание и существование не имеют смысла. Если мы отказываемся от такой аналогии, нам придется признать, что психические явления, возможно, не являются репрезентациями.

Попытка объяснить ситуацию тем, что организм создает психические репрезентации для себя, является ответом лишь по форме, но не по содержанию, так как кто-то или что-то в организме должен их рассматривать и делает это. В итоге вопрос о том, кто или что субъективно противостоит нашим репрезентациям и рассматривает их, так и остается пока без ответа.

Психическое репрезентирование протекает на двух уровнях — сенсорном (в форме ощущений и ментальных образов — зрительных, слуховых, тактильных и т. д.) и вербальном. Чувственные репрезентации являются непосредственными, или прямыми, репрезентациями «реальности в себе». Они репрезентируют ее в рамках, определяемых нашими органами чувств, и в специфически антропоморфном виде. Например, в форме света, цветов, звуков, вкусов, запахов и т. д. Перцептивные репрезентации обладают специфическими качествами несомненной реальности, предметности, физической «вещественности»¹ и независимости от воспринимающего их субъекта.

Вербальные образы — это тоже сенсорные (зрительные, слуховые или тактильные) образы, но образы слов, или простых физических объектов, получивших в сознании людей дополнительное, символическое значение и превратившихся в результате этого из первоначальных репрезентаций звуковых или графических объектов — слов в репрезентации совершенно иных сущностей, обозначаемых этими словами.

¹ Между принципиально разными чувственными и вербальными человеческими репрезентациями одних и тех же элементов «реальности в себе» часто возникают неразрешимые противоречия. Одно из них касается понятия *вещество*. Так, наши вербальные репрезентации однозначно исключают наличие в мире этой сущности. Тогда как чувственные репрезентации с еще большей убедительностью доказывают нам факт ее присутствия. Для меня лично это понятие обозначает нечто совершенно реальное и несомненно данное каждому человеку в виде множества его чувственных репрезентаций, в наличии которых он в принципе не может сомневаться. Другими словами, я вкладываю в понятие *вещество* не вполне привычный смысл — нечто, доступное нашим органам чувств, данное нам сенсорно. Соответственно, понятие *вещественность* репрезентирует одно из свойств этого нечто, заключающееся именно в его чувственной доступности людям, в его чувственной данности нам. **Вещественное означает чувственно данное нам.**

Сложность понимания мира и психики заключается в том, что **не существует психических и физических явлений, как до сих пор считает большинство исследователей, несмотря на многократные опровержения декартовского дуализма.** Есть лишь психические явления и доступная нам только через них «реальность в себе». Следовательно, **все доступные нам, например, специфические физические сущности представлены в такой форме исключительно в нашей же психике, что, впрочем, никак не отменяет существования объективной «реальности в себе» вне нашего сознания.**

Психика содержит в себе одновременно и то, что принято считать физическими сущностями (представлены в ней образами восприятия), и то, что принято считать психическими сущностями (образы представления или воспоминания, понятия, эмоции и т. д.). Даже физический предмет дан человеку только в форме его (человека) психических репрезентаций. Более того, **психические образы восприятия предмета и есть сам предмет. Конститулируемый психическими феноменами сознания предмет, не являясь для здравого смысла психическим, фактически не существует как чувственно данный предмет вне человеческого сознания. Он является одновременно и физическим (для сознания), и психическим (по сути).**

Предмет конституируется психикой в месте локализации соответствующего элемента «реальности в себе». Образы его восприятия обладают всеми свойствами предмета — предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находятся во внешней реальности и т. д. Это объясняется тем, что, оставаясь совокупностью психических феноменов, они являются, однако, для человека единственным оригиналом, то есть подлинником того, что человек привык считать физическим предметом.

Формируя предметный физический мир, индивидуальное сознание создает психическую по происхождению, но вещественную, физическую по форме глобальную перцептивную чувственную репрезентацию «реальности в себе», которую принято называть общим для всех людей окружающим физическим миром.

Психика не отражает, не воспроизводит и не копирует «реальность в себе», а конституирует и конструирует, то есть заново созидает ее в себе, используя психические феномены для формирования своей личной физической предметной реальности. **Собственными психическими средствами психика конституирует то, что было принято называть раньше «веществом» и «материей». «Идеальная», как принято считать в соответствии с доминирующей в современной науке объективистской парадигмой, психика создает в себе не только психические, но и физические сущности — рассматриваемые ею же затем в качестве окружающих предметов, физических объектов и явлений.**

Психика формирует в себе антропоморфный предметный физический вещественный мир в строгом соответствии с «реальностью в себе». При этом она пользуется психическими сущностями, отсутствующими в «реальности в себе» без человека. Например, такими, как свет, цвета, звуки, запахи, разный вкус и т. д. Все они конституируются исключительно в психике благодаря специфическим психическим ощущениям света, цветов, звуков, запахов, вкуса и т. д.

Привычная нам физическая предметная реальность, представляющая собой лишь человеческую психическую репрезентацию «реальности в себе», не изоморфна «реальности в себе», а является антропоморфным ее представлением. Причем так называемый общий предметный физический мир существует в форме миллиардов уникальных субъективных вариантов (по числу живых людей). Конституируемые каждым индивидуальным сознанием антропоморфные репрезентации «реальности в себе» зависят как от нее, так и от конкретного сознания.

Вместе с тем индивидуальный субъективный предметный мир очень сходен у разных людей вследствие общей для всех «реальности в себе», биологического сходства людей и их постоянной коммуникации друг с другом. И все же составное понятие *общий объективный физический мир* обозначает лишь особый концепт, вербально репрезентирующий чувственно конституированную людьми и якобы присутствующую вне их сознания сущность.

Психических явлений, совсем не несущих информацию¹, наверное, не бывает. Сам факт их возникновения уже что-то репрезентирует. **Все психические явления сопровождаются специфическим субъективным чувством переживания их наличия и реальности, то есть их осознанием. Другое дело, что конкретные репрезентации могут быть в разной степени понятны сознанию в данный момент или даже почти непонятны.**

§ 2. Психические феномены и процессы, обеспечивающие формирование сущностей мира

До сих пор не только в общественном мнении, но и в естествознании доминирует представление о том, что в окружающем человека мире независимо от людей присутствуют самые разные сущности — физические, социальные, психические и др. Они представлены там в виде предметов, разного рода объектов, явлений, свойств и т. д. Хорошо об этом написал

¹ Информация — совокупность психических феноменов, или некое психическое содержание, репрезентирующее людям какой-то аспект «реальности в себе». Данное психическое содержание потенциально доступно передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или иных знаковых систем.

Дж. Лакофф: «Одним из краеугольных камней объективистской парадигмы является независимость метафизики от эпистемологии. Мир такой, какой он есть, независимо от любых понятий, мнений или знаний, которые имеют люди. Другими словами, ум людей не может творить реальность. Я берусь утверждать, что это ложно и противоречит почти всему, что известно из культурной антропологии» (2004, с. 273–274).

Я согласен с автором и считаю, что в окружающей нас «реальности в себе» без человека нет никаких сущностей. Кстати, именно **психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно**. Она выделяет в непрерывном потоке собственных репрезентаций сходные повторяющиеся фрагменты и на их основе формирует психические инварианты — сложные психические феномены, или психические конструкции. С их помощью она репрезентирует то, что рассматривает затем в качестве сущностей окружающего мира.

Сущность — это нечто, рассматриваемое сознанием как внешнее и самостоятельное по отношению к нему¹, нечто, объективно присутствующее в окружающем антропоморфном мире (или в самой психике, если обсуждаются ее собственные сущности) и доступное рассмотрению со стороны сознания в качестве противостоящего ему объекта.

Психика создает сущности физические, или вещественные, и невоещественные. Первые — это, например, дерево, ветер, облако. Вторые — это, например, власть, свобода, выбор, энергия, инерция и т. п. Первые доступны восприятию. Вторые — нет, но они присутствуют, как нам кажется очевидным, в нашей жизни и характеризуются автономным от нас существованием.

Для формирования сущностей человеческая психика создает сложные психические явления, или психические конструкции. С их помощью сознание конституирует и конструирует сущности и помещает их обратно в созданный им антропоморфный мир. Устойчивые психические конструкции, например модели-репрезентации предметов и вербальные концепты более сложных сущностей, будучи инвариантами, упрощают мир и облегчают людям его понимание.

Психические конструкции превращаются в репрезентации разнообразных сущностей лишь после ассоциирования с образами обозначающих эти сущности слов. Неизвестное человеку, то есть ничего не обозначающее для него слово само по себе бессмысленно и бесполезно. Но, ассоциируясь в сознании с репрезентацией определенной сущности, образ конкретного слова приобретает в результате дополнительное значение и превращается для человека в понятие.

¹ Вопрос о соотношении сознания и психики будет затронут ниже.

Вероятно, формируя психические конструкции, репрезентирующие сущности, и обозначая их образами легко создаваемых и узнаваемых маркеров — слов, человеческая психика непроизвольно стремится не только организовать исходно аморфный и непрерывно меняющийся поток своих репрезентаций, но и обеспечить возможность опосредованной передачи другим людям собственного психического содержания.

Репрезентации сущностей окружающего мира, их действий, связей и отношений не порождены человеческой фантазией, а являются способом наиболее простого и вместе с тем адекватного психического представления того, с чем люди сталкиваются, пребывая и действуя в «реальности в себе». То есть **эти сущности в абсолютном своем большинстве являются не вымыслом, а антропоморфными репрезентациями элементов «реальности в себе» в психике.**

Психологии, по-видимому, следует признать, что **главным результатом функционирования человеческой психики и сознания является не формирование психических явлений — понятий и вербальных конструкций, а построение в психике сущностей окружающего мира и оперирование ими.**

В процессе онтогенеза психические феномены индивидуального сознания постепенно усложняются. Формируются все более сложные явления, сначала чувственные, а потом и вербальные психические конструкции. Ассоциируясь с образами слов, они превращаются в концепты, репрезентирующие разные сущности мира. Вербальные концепты постепенно усложняются, а представляемые ими сущности становятся все более умозрительными. Тем не менее **между самым элементарным ощущением и самой сложной вербальной конструкцией, репрезентирующей наиболее отвлеченную сущность, есть феноменологически очевидная связь.**

Ощущение и вербальная конструкция представляют собой начальное и конечное звенья одной цепи: 1) ощущение → 2) психический образ, в том числе мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления) → 3) чувственная психическая конструкция = модель-репрезентация = чувственный концепт → 4) понятие = психический образ известного слова → 5) вербальная конструкция, в том числе вербальный концепт.

Давайте подробнее рассмотрим некоторые вопросы феноменологии этих психических явлений¹.

¹ Более подробное обсуждение психической феноменологии репрезентаций представлено в специальных работах (см.: С. Э. Поляков, 2011; 2017).

Ощущения и ментальные образы

Как можно заключить, исходя из приведенных ниже¹ и далеко не самых плохих определений этих психических явлений, у нас нет тех определений, которые могли бы вполне удовлетворять, поэтому самым эффективным вариантом пояснения того, что они собой представляют, является отсылка к интроспекции, что я уже предлагал в своих работах ранее.

По моему мнению, ощущение и образ восприятия (зрительные, например) — явления одного порядка, различающиеся лишь уровнем своего развития или степенью дифференцированности их свойств. Ощущение свидетельствует, что нечто есть, а ментальный образ раскрывает, что это нечто представляет собой в сравнении с другими, даже очень похожими на него нечто.

Вызываемые предметом ощущения — это не репрезентации каких-то дополнительных сущностей — свойств предмета, как представляется естественным нашему здравому смыслу. Это, как и образы восприятия, репрезентации того же предмета, отличающиеся от образов его восприятия лишь иной чувственной модальностью и степенью сложности. Правильнее поэтому говорить не об ощущениях и образах восприятия, как принято в отечественной психологии, например, а лишь об образах восприятия разной модальности и разной степени информативности, которая обусловлена особенностями развития соответствующих органов чувств.

Психические конструкции

Психические конструкции относятся к сложным психическим феноменам. Психическая конструкция обычно не существует в сознании в каждый конкретный момент целиком, а разворачивается в нем во времени. В следующий момент в сознании появляется ее новая часть, представляющая, однако, как и предыдущая, всю конструкцию в целом. Психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических конструкций. Это отдельная форма сложных психических феноменов, самостоятельное целостное психическое явление, создаваемое сознанием для репрезентации отдельных сущностей.

¹ Ощущение — «...элементарный опыт чувства... о каких-либо состояниях внутри или вне тела...» (А. Ребер, 2001, с. 590).

Зрительный образ восприятия является наиболее типичным примером ментального образа. А. Ребер (2001, с. 530–531), например, объясняет его как нечто похожее на мысленную картинку, являющуюся аналогом сцены из реального мира.

Можно выделить три основные группы психических конструкций, сильно различающихся между собой: чувственные (например, модели-репрезентации предметов), вербальные (например, вербальные концепты) и смешанные, которые составляют бóльшую часть концептов. Психические конструкции делятся также на конструкции, являющиеся концептами, и на прочие конструкции.

Чувственные психические конструкции

Чувственные психические конструкции состоят из множества жестко ассоциированных между собой мгновенных ментальных образов и/или ощущений. Они бывают мономодальными (например, зрительная или слуховая) и полимодальными. Полимодальная психическая конструкция возникает в сознании как удивительный синтез разномодальных, а потому радикально различающихся между собой и, казалось бы, принципиально несопоставимых друг с другом психических явлений — разных по модальности сенсорных репрезентаций одного и того же аспекта «реальности в себе».

Д. Беркли (2000, с. 39, 65, 82–83) указывает, что в процессе восприятия в сознании возникают совершенно разные, несопоставимые и несоизмеримые по своей форме и содержанию репрезентации одного и того же элемента реальности.

Из этого следует, что нельзя, например, никак сопоставить желтый цвет и кислый вкус или ощущение гладкости и запах лимона. Тем не менее сознание объединяет их в единую чувственную психическую конструкцию, чувственно конституируя новый предмет — лимон. Разномодальные психические феномены объединяются в новую целостность благодаря «единству сознания», описанному И. Кантом (1994, с. 101, 104).

Можно сказать, что не только предмет обуславливает связь своих репрезентаций в сознании. Их связь — результат действий сознания, которое объединяет многообразное содержание собственных образов и ощущений в целостную репрезентацию предмета, физического объекта или явления — чувственную психическую конструкцию.

Итогом накопления в памяти разных репрезентаций, формирующих конкретный предмет А, например, оказывается возникновение в сознании чего-то узнаваемого и однозначно расцениваемого человеком как известный ему предмет (объект) А, отличный от других, даже сходных с ним предметов (объектов) Б и В. Это «нечто» и есть тот психический

инвариант, то сложное психическое явление, или устойчивая психическая чувственная конструкция, которая чувственно репрезентирует известный человеку предмет (объект) А. Данную психическую сущность я называю моделью-репрезентацией определенного предмета (объекта или явления) А.

Модели-репрезентации

В отличие от ментальных образов и ощущений модель-репрезентацию следует рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего по сравнению с ними уровня сложности. С момента ее появления начинается конституирование сознанием в окружающей реальности чувственно репрезентируемых им сущностей — предметов, физических объектов и явлений. Феноменологически модель-репрезентация знакомого предмета является совокупностью образов воспоминания и представления этого и даже, возможно, сходных с ним предметов, с которыми человек уже сталкивался в прошлом, в динамике их разнообразных изменений.

Модель-репрезентация не просто сумма входящего в нее множества образов представления и воспоминания. Ее элементы выступают как части некой целостности — психического гештальта, имеющего дополнительное качество, заключающееся в том, что любая часть модели-репрезентации полноценно замещает ее в сознании. Следовательно, каждая ее часть эффективно выполняет также функцию репрезентирования соответствующего будущего предмета.

Модель-репрезентация предмета существует в сознании как самостоятельный психический объект и как чувственное знание о предмете. Наконец, как сам этот будущий предмет, который превратится в предмет, когда получит название. Например, мономодальная зрительная модель-репрезентация некоего «нечто» превращается для ребенка в чувственный концепт предмета тогда, когда ассоциируется в его сознании с образом слова, обозначающего этот предмет.

Имеющаяся в сознании модель-репрезентация позволяет нам мысленно «увидеть» знакомый предмет сразу и в целом как единую сущность. Она обеспечивает не только наличие целостной репрезентации предмета в сознании даже при отсутствии его восприятия, но и субъективную тождественность предмета самому себе. Тождественны самим себе в разные периоды времени не якобы объективно существующие вне человека

предметы, а модели-репрезентации этих предметов, присутствующие в сознании в виде инвариантов.

Модели-репрезентации являются психическими объектами, которыми манипулирует человеческое сознание, основными содержательными чувственными единицами сознания, имеющими понятный человеку смысл. Несмотря на то что мы всегда воспринимаем лишь какие-то части видимых нами предметов и объектов, все они остаются для нас едиными тождественными самим себе сущностями потому, что в нашем сознании имеются их модели-репрезентации.

Модель-репрезентация известного человеку предмета не является чем-то раз и навсегда данным ему, неизменным и статичным. Она видоизменяется в течение жизни в результате взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в себе». Даже всплывающая в сознании, она как бы «течет», так как составляющие ее элементы сменяют друг друга. Это, однако, не мешает ей быть очень устойчивой, стабильной.

Фактически модель-репрезентация определенного предмета — это чувственная психическая конструкция, представляющая его в сознании. Вводя понятие *модель-репрезентация*, я старался подчеркнуть тот факт, что в сознании могут существовать полноценные физические сущности — предметы, физические объекты и явления даже без их актуального восприятия. И сознание способно ими манипулировать. Именно поэтому я раньше не ставил знак равенства между моделью-репрезентацией и чувственной конструкцией.

Кроме того, я хотел разграничить модель-репрезентацию объекта и чувственные психические конструкции, репрезентирующие более сложные сущности, например ситуацию, событие, город Москву, Большой Каньон и т. п. Хотя одновременно с понятием *модель-репрезентация объекта* я использовал понятие *глобальная модель-репрезентация*, понимая его как чувственную психическую конструкцию, представляющую в сознании окружающий, потенциально доступный восприятию физический мир в целом.

Вербальные образы

Слова — это легко создаваемые и воспринимаемые людьми простые искусственные физические объекты (звуковые и графические), доступные слуховому и зрительному восприятию. Восприятие слова вызывает появление

в сознании его ментального или вербального образа¹. Слуховые и визуальные образы слов могут быть понятными (если они ассоциированы с определенными имеющимися в сознании концептами) и непонятными человеку (если они не ассоциированы с концептами, то есть слова ему неизвестны).

Специфика ментальных образов известных человеку слов заключается в том, что каждый из них репрезентирует ему не столько само определенное слово, сколько обозначаемую данным словом иную сущность окружающего мира или самого сознания. При этом феноменологически вербальные образы физических объектов — слов отличаются от невербальных образов прочих физических объектов лишь наличием у образов слов этого дополнительного по очередности появления, но главного по сути значения.

Понятия

Психические (ментальные) образы слов языка, несущие понятный ему смысл, я называю понятиями. Следовательно, понятие — это только и всегда вербальный образ, или образ слова, обозначающего известную человеку сущность (предмет, объект, явление и т. д.). Значениями понятий в психике являются чувственные, вербальные и смешанные относительно стабильные психические конструкции, или концепты.

Образ слова, обозначающего новую сущность, маркирует в психике ее концепт, делая сущность заметной и потенциально доступной другим людям, интериоризировавшим данное понятие. Модель-репрезентация превращается в чувственный концепт определенного предмета, лишь когда ассоциируется в сознании с образом слова, обозначающего данный предмет.

Однако понятие — это не просто нечто вроде ярлыка для концепта. Оно способно полноценно заменять собою концепт в сознании, а потому вербальный образ становится новым самостоятельным психическим феноменом, важнейшим элементом вербального мышления. Возникновение понятий у людей сильно уменьшило проблему субъективных различий между уникальными индивидуальными чувственными концептами, репрезентирующими у разных людей одну и ту же сущность. Оно позволило замещать в их сознании уникальные сложные субъективные концепты чувственными репрезентациями гораздо более простых физических объектов — слов.

¹ Термин «вербальный» определяют как словесный, состоящий из слов или выраженный в словах (см. например, А. Ребер (2001, с. 123)). Соответственно, словосочетание «вербальный образ» я использую как аналог словосочетания «образ слова», во всех случаях понимая под этим только психический образ слова.

Вербализация

Вербализация¹ всегда протекает в рамках определенного языка и подчиняется его специфической системе концептуализации. Перевод чувственных репрезентаций в вербальные образы, а затем в слова конкретного языка не просто радикально меняет форму психического репрезентирования реальности, но и особым образом структурирует антропоморфный мир. Вербальные репрезентации формируют в нем новые сущности, делают заметными связи и отношения между ними.

Вербальные репрезентации

Благодаря вербальным конструкциям люди не только вербально конституируют (или повторно по-новому репрезентируют) реальность, доступную восприятию и обычно уже чувственно репрезентированную ими, но и «препарируют», «расчлениают» и видоизменяют ее. Репрезентируя вербально реальность, недоступную восприятию, человек создает по механизмам аналогии вербальные конструкции, которые могут стать, а могут и не стать адекватными ее моделями. Последнее зависит от того, насколько эффективно они позволяют прогнозировать будущие изменения реальности и результаты действий человека в ней.

Вербальные репрезентации субъективно столь же реальны для человека, как и чувственные психические явления, например невербальные образы восприятия, представления и воспоминания. Человек, воспринимающий известные ему слова, понимает их так же немедленно и непосредственно, как он понимает образы восприятия знакомых ему предметов. Это обеспечивает высокую эффективность вербального мышления и облегчает коммуникацию между людьми.

Концептуализация

Выделение сознанием в процессе репрезентирования мира отдельных сущностей в нем, обозначаемых при этом словами, следует называть концептуализацией. Говоря метафорически, концептуализация — это «нарезание» мира людьми на множество сущностей в процессе его вербального репрезентирования. Следовательно, концептуализацию мира определяет

¹ Понятие «вербализация» имеет несколько значений. 1. Замена субъективных чувственных концептов понятиями и конструкциями из них, то есть повторное моделирование чувственно репрезентированной уже реальности. 2. Мысленное построение вербальных конструкций, описывающих и объясняющих недоступную восприятию реальность, формирование этой реальности. 3. Экстериоризация психического содержания собственного сознания с помощью слов языка.

не только сама «реальность в себе», но и сознание. Представители каждого общества, обладающего уникальным языком, осуществляют ее с помощью создаваемых ими стабильных психических конструкций, или концептов, репрезентирующих жизненно важные именно для данного общества сущности и маркируемых образами обозначающих эти сущности слов.

Люди концептуализируют и обозначают словами, а главное — сохраняют потом в языке обозначения лишь значимых для них элементов мира. И чем важнее для них какая-то грань реальности, тем более детально они ее концептуализируют, тем большее количество сущностей формируют из ее репрезентаций и обозначают словами языка. Созданная однажды специфическая концептуализация конкретной области мира полностью определяет последующее ее понимание новыми поколениями. Она принимается обществом и передается с помощью языка новым поколениям. Это происходит до тех пор, пока кто-то из людей не концептуализирует ту же область мира по-другому, сформировав в ней новые сущности и обозначив их иначе.

Можно воспринимать нечто в окружающем мире, но как бы не замечать его, то есть не выделять в видимом мире и, следовательно, не мыслить о нем как об отдельной сущности. Только после того, как кто-то первым выделит (конституирует) эту новую сущность в потоке собственных репрезентаций и обозначит ее специальным словом, остальные люди тоже приобретают возможность выделять и воспринимать это нечто в мире как особый объект.

Концептуализировать один и тот же аспект «реальности в себе» можно по-разному, то есть на основе одних и тех же референтов можно создать альтернативные сущности, которые одинаково успешно будут его репрезентировать. Нет и не может быть единственно верной вербальной концептуализации реальности, а сформированные вербальными концептами ее новые сущности далеко не всегда идеально соответствуют ей. Недостаточно адекватная концептуализация создает в дальнейшем трудности для познания и порождает в науке множество псевдопроблем. Учитывая несовершенство нашей концептуализации мира, мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.

Концепт

Каждое понятие имеет ясное для человека значение лишь благодаря ассоциированному с ним конкретному концепту, репрезентирующему в сознании определенную сущность. Концепт — стабильная психическая конструкция, являющаяся значением слова, обозначающего определенную сущность реальности. Он несет комплексную информацию об этой сущности, выражая представления людей о мире, отмеченные этнокультурной спецификой.

Каждое знакомое слово актуализирует в сознании человека уникальный концепт. Концепты, как и психические конструкции, бывают чувственными, вербальными и смешанными¹. Можно дать поэтому и такое определение концепта — устойчивая психическая конструкция (чувственная, вербальная или смешанная), репрезентирующая конкретную сущность и ассоциированная в сознании с образом слова, обозначающего данную сущность.

Понятия и концепты

Понятие не существует без концепта, и наоборот. Они оба и всегда в связке репрезентируют некую сущность, имеющую практическое значение для людей. Лишь ассоциируясь с образом слова, психическая конструкция становится концептом и как бы включается через данное слово в сферу языка, приобретая возможность опосредованной трансляции с помощью этого слова от человека к человеку.

В свою очередь, с помощью слов языка можно получить доступ к концептам индивидуального сознания. Не бывает поэтому концептов, не ассоциированных с понятиями и якобы существующих независимо от слов, как полагают некоторые исследователи. Встречаются лишь не ставшие пока концептами психические конструкции, репрезентирующие еще не обозначенные словами и лишь могущие появиться в будущем сущности.

Вербальные психические конструкции

Понятия можно метафорически сравнить с самыми мелкими фрагментами игры «Лего», так как из них сознание строит все свои вербальные конструкции. Вербальная психическая конструкция — это конструкция, составленная из понятий, то есть образов понятных человеку слов. Вербальные конструкции бывают двух видов: стабильные и изменчивые. К первым относятся вербальные концепты. Ко вторым — прочие вербальные репрезентации реальности.

Понятия и вербальные конструкции могут замещать собой чувственные репрезентации, участвующие в мышлении, тем самым облегчая и упрощая его. Они обеспечивают передачу психического содержания в процессе коммуникации между людьми. Актуализируя сходные концепты в сознании участников коммуникации, понятия делают возможной унификацию содержания сознания разных людей и построение у них сходной картины мира. Они создают условия для негенетического наследования сходных преимущественно вербальных репрезентаций мира.

¹ См. Примечание 3.

Изменчивые вербальные конструкции

Изменчивые вербальные конструкции названий не имеют, то есть не ассоциированы с образами слов, но тоже используются сознанием для репрезентирования реальности. К ним относятся, например, пропозиции — самые короткие осмысленные вербальные репрезентации реальности (*пошел дождь, море волнуется, сильный ветер* и т. п.).

Изменчивые вербальные конструкции (например, идеи, мнения, оценки, взгляды и т. д.) репрезентируют уже не отдельные сущности, а большие фрагменты окружающего мира. Люди непрерывно создают их для представления характеристик, связей, функций, изменений и взаимозависимостей сущностей в доступном для понимания виде. Такие конструкции являются уже элементами знаний и заблуждений. Некоторые вербальные конструкции репрезентируют даже наиболее общие представления человека о себе, об окружающем и его собственном месте в мире, о базовых человеческих ценностях, о целях и путях их достижения и т. д. (например, убеждения).

Стабильные вербальные (и языковые) конструкции, не являющиеся концептами

Есть небольшая группа стабильных вербальных конструкций, которые, однако, не являются концептами. Они представляют собой наиболее общие репрезентации мира, сформированные людьми. Эти вербальные репрезентации могут быть прямыми (естественно-научные законы) и иносказательными (поговорки и пословицы), научными и бытовыми, завершенными и незавершенными, поучительными, рифмованными, эмоционально окрашенными и т. д. К этой же группе относятся и многие неизменяемые факты, например исторические.

Вербальные концепты

Стабильные вербальные конструкции, являющиеся репрезентациями сущностей реальности, называются вербальными концептами. Они всегда ассоциированы с образами слов, обозначающих данные сущности. Только ассоциируясь с образом слова, вербальная психическая конструкция становится концептом. Ее физическим аналогом является соответствующая конструкция языка.

Все вербальные концепты были целенаправленно сформированы кем-то из людей в прошлом для репрезентирования сущностей мира (физических, социальных, психических, трудно квалифицируемых, просто

вымышленных и т. д.). Сознание создает вербально конституированные и сконструированные им сущности по образцу физических сущностей, репрезентируемых чувственно. Абсолютное большинство сущностей, образованных с помощью вербальных концептов, недоступны непосредственному восприятию. Однако люди даже гипостазируют некоторые из них, превращая в якобы присутствующие в вещественном физическом мире.

По самой своей природе некоторые вербальные концепты неоднозначны и нечетко очерчены, потому что репрезентируют области «реальности в себе» с размытыми границами, нередко плохо доступные или вовсе недоступные восприятию. Однако данное обстоятельство не мешает большинству этих концептов быть вполне адекватными реальности и полезными людям. Тем более что исследователи в любой момент могут подвергнуть свои концепты (и понятия) ревизии, что периодически и делают.

Конституирование новых сущностей

Конституирование — это образование концепта, репрезентирующего новую сущность на основе чувственных репрезентаций. Можно выделить чувственное и вербальное конституирование. Первое происходит в результате отождествления в сознании кого-то из людей его новой модели-репрезентации с новой физической сущностью окружающего мира и связывания ее с образом нового слова, созданного или использованного человеком для обозначения этой сущности. Такой, например, как обнаруженный сравнительно недавно «большой летающий поссум» — самое крупное сумчатое, способное парить в воздухе (В. Е. Соколов, 1984, с. 21).

Вербальное конституирование происходит, например, в результате консолидации в сознании человека многих разных чувственных репрезентаций в смешанный концепт с помощью специально созданной им вербальной конструкции. Скажем, такой: *зверь — это дикое хищное животное: волк, медведь, тигр и т. д.* Итоговый смешанный концепт представляет собой вербальную конструкцию, иллюстрируемую разными моделями-репрезентациями хищников.

Конструирование новых сущностей

Конструирование — это создание сознанием с помощью воображения и как бы на пустом месте концепта, репрезентирующего новую сущность. Как и конституирование, оно может быть чувственным и вербальным. Чувственное конструирование — это построение нового чувственного концепта, по сути дела, новой «синтетической» модели-репрезентации

(и сущности) из фрагментов моделей-репрезентаций известных физических сущностей и обозначение ее новым словом, например «кентавр», «минотавр», «русалка».

Вербальное конструирование — создание с помощью вербальной конструкции вербального или смешанного концепта, репрезентирующего новую недоступную или не вполне доступную восприятию сущность, и обозначение ее новым словом. Например: *иммунизация — возникновение иммунного ответа в организме после введения антигена*. Нередко довольно сложно определить, вербально конституирована или все же сконструирована та или иная сущность.

Психическая конструкция и психический конструкт

Сущности, изначально создававшиеся исследователями с какими-то специальными целями как вымышленные, но для чего-то нужные их создателям, называются конструктами. Психические конструкты — это вербальные концепты, формирующие сущности, заведомо не существующие или даже невозможные.

Иногда достаточно сложно отличить конструкт от вербальной конструкции, репрезентирующей сущность, возможно, присутствующую в реальности (как представляется исследователям). Дело в том, что между сущностями, несомненно имеющими чувственные референты в реальности, и конструктами располагается непрерывный спектр сущностей, все менее очевидных ближе к одному полюсу — конструкту и все более очевидных ближе к другому полюсу — вербальному концепту, конституирующему доступную в некоторой степени восприятию физическую сущность.

У одних сущностей референтов больше и они явные, у других они косвенные и трудно обнаруживаемые. В отношении одних конституированных сущностей (например, городское хозяйство, капитализм, энергия) у нас складывается ощущение, что за ними в реальности, безусловно, что-то стоит. В отношении других сконструированных сущностей (идеальная жидкость, психологическое поле) мы не сомневаемся, что это нечто придуманное человеком.

Конструкты можно рассматривать поэтому в качестве небольшого подвида вербальных концептов, которые формируют заведомо странные для здравого смысла или невозможные сущности, плохо вписывающиеся в чувственно репрезентируемую нами реальность. Хотя порой и очевидные конструкты, например круглый квадрат, представляются нам в некотором смысле реальными и имеют в чувственно репрезентируемом окружающем мире несомненные референты — круг и квадрат.

§ 3. Психические механизмы формирования сознанием сущностей мира

Онтогенетически процесс развития индивидуальной психики, а соответственно, и репрезентирования сущностей мира человеком складывается из таких последовательных этапов, как: чувственное репрезентирование фрагментов мира, доступных восприятию, и формирование в нем сущностей; вербальное репрезентирование тех же сущностей, уже репрезентированных чувственно; вербальное конституирование и конструирование сущностей мира, не вполне доступного восприятию; вербальное конституирование и конструирование сущностей мира, недоступного восприятию вовсе, и их использование для репрезентирования новых областей мира и создания еще более умозрительных сущностей.

Очередной раз подчеркну, что **человеческое сознание формирует не концепты (и понятия), а сущности¹ окружающего мира, используя для этого создаваемые им концепты (и понятия)**. Можно выделить два основных механизма формирования сущностей — на основе моделей-репрезентаций доступных восприятию элементов «реальности в себе» и с помощью специально построенных сознанием вербальных концептов.

Необходимо также различать формирование сущностей (и понятий) и их усвоение. Процесс формирования в сознании наших далеких предков сущностей окружающего мира в форме его предметов, физических объектов и явлений, доступных восприятию, покрыт мраком тысячелетий, поэтому о нем нет смысла говорить. Тогда как процесс формирования сущностей, недоступных восприятию, активно продолжается и сейчас, и его необходимо обсудить.

Образование новых недоступных или не вполне доступных непосредственному восприятию сущностей осуществляется исследователями, а не детьми². Оно происходит по аналогии с уже сформированными у них физическими сущностями. Для создания нового объекта исследователь всегда строит из уже известных ему понятий специальный вербальный концепт, раскрывающий природу и содержание новой сущности.

¹ Подробнее см. в главе 1.3 «Сущности мира, формируемые человеческим сознанием».

² Необходимо, однако, отметить предрасположенность и способность детского сознания к легкому формированию новых физических сущностей (на основе уже имеющихся в сознании моделей-репрезентаций) и созданию новых слов для их обозначений по аналогии с известными ребенку образцами. Это проявляется, например, в виде легкого образования ребенком неологизмов для обозначения подобных сущностей: «стрекозел» (муж стрекозы); «учило» (учебник); «ползук» (червяк, по аналогии с «жук» и «червяк»); «за ещё» (двухлетнюю Сашу спросили: «Ты куда? За песочком, но ты уже принесла». — «Я иду за ещё») (К. Чуковский, 1990). Но данная способность касается только формирования детьми сущностей реальности, доступной восприятию.

Вербальный концепт, формирующий новую сущность, выстраивается «открывающим» (как до сих пор принято считать и говорить по аналогии с открытием физических сущностей) ее изобретателем, который затем экстериоризирует концепт и созданную им сущность в объективную психическую реальность общества для всеобщего использования. Все остальные люди лишь усваивают вербальный концепт и знакомятся с новой сущностью. Для этого им необходимо интериоризировать концепт и обозначать сущность словом.

Ребенок усваивает новые вербальные концепты (и соответствующие сущности) в процессе социализации. Чувственные же модели-репрезентации его сознание формирует самостоятельно, но в чувственные концепты, репрезентирующие физические сущности, они превращаются только после изучения ребенком слов, обозначающих данные сущности. Процесс непроизвольного образования моделей-репрезентаций¹ в сознании ребенка приводит к дифференциации окружающего мира на чувственном уровне, к дроблению его на отдельные физические предсущности, облегчающие ребенку его понимание.

Благодаря появлению в сознании ребенка моделей-репрезентаций он легко усваивает в процессе коммуникации слова (и понятия), обозначающие уже представленные чувственно в его сознании элементы окружающего мира. Заместительное вербальное репрезентирование доступного восприятию мира приводит к запоминанию ребенком обозначений для всех уже чувственно репрезентированных им предсущностей и формированию из его моделей-репрезентаций и образов обозначающих их слов полноценных чувственных концептов (и понятий).

В сознании ребенка, а соответственно, и в окружающем его мире появляется большое количество обозначенных словами физических сущностей — «мама», «папа», «мячик», «тетя», «киса» и т. д. Одновременно выстраивается устойчивая индивидуальная чувственная конструкция — глобальная модель-репрезентация доступного ему предметного физического мира, сходного с мирами других людей. Без этого его сознание утонуло бы в нескончаемой череде изменяющихся сенсорных репрезентаций бесчисленных элементов «реальности в себе».

Сущности (и понятия), сформированные с помощью вербальных концептов, усваиваются ребенком гораздо позже тех, которые формируются на основе его собственных моделей-репрезентаций. Первые простые вербальные конструкции, перенятые или даже сформированные ребенком,

¹ Смысл создания психикой чувственных конструкций в том, что они позволяют мысленно манипулировать чувственно репрезентируемыми сущностями, даже когда референтов этих физических объектов и явлений нет в поле восприятия. Чувственные психические конструкции, вероятно, создает даже психика животных.

моделируют его же чувственные репрезентации окружающего мира, дублируя их. Затем, используя уже усвоенные сущности (и понятия), его сознание усваивает вербальные концепты, репрезентирующие более сложные сущности (и понятия).

На каждом следующем этапе репрезентирования мира сознание ребенка знакомится с новыми, более сложными сущностями и обозначающими их новыми словами, овладевая вербальными конструкциями, построенными из уже известных ему понятий. Процесс повторяется многократно, и вербальные концепты усложняются с каждым новым циклом своего развития. Это позволяет ребенку, опираясь первоначально на чувственные концепты, познавать в конечном счете максимально умозрительные сущности.

В физическом мире язык представлен словами, устными фразами и письменными предложениями, а в сознании людей — преимущественно слуховыми и зрительными образами этих слов (понятиями) и их значениями — концептами. То есть язык — это, с одной стороны, множество слов, используемых людьми в процессе языковой коммуникации. С другой стороны, это грандиозная вербальная репрезентация реальности, созданная человечеством за время его существования в виде множества вербальных репрезентаций сущностей и используемая людьми в процессе вербального мышления и словесной коммуникации.

Понятия и вербальные конструкции индивидуального сознания легко трансформируются людьми в слова и фразы языка, как бы материализуясь в них, и передаются в процессе коммуникации, а также с помощью технических материальных носителей. Будучи воспринятыми, слова, фразы и письменные предложения языка вновь трансформируются в сознании других людей уже в их собственные вербальные психические конструкции. Благодаря этому люди способны как бы обмениваться своим вербальным психическим содержанием.

Овладевая родным языком, ребенок интериоризирует огромный объем знаний о мире, накопленный обществом в виде слов и языковых конструкций. В его сознании они превращаются в понятия и вербальные конструкции, репрезентирующие ему не только окружающие предметы, но и отвлеченные сущности мира. Благодаря усвоению языка у ребенка на базе чувственно-образного мышления формируется вербальное мышление. Именно поэтому усвоение родного языка в буквальном смысле превращает его в разумного человека.

Усвоение языка ребенком идет по стопам чувственного моделирования «реальности в себе» и на базе уже построенных его сознанием моделей-репрезентаций физических сущностей, что сильно облегчает и упрощает процесс обучения. Образы слов, обозначающих предметы, их свойства, действия и отношения, становятся составной частью уже присутствующих

в сознании ребенка чувственных концептов физических сущностей, обозначаемых этими словами, и просто замещают их в его мышлении.

Ребенок не реализует некие «врожденные языковые универсалии», а связывает ментальный образ обозначающего предмет слова с собственной моделью-репрезентацией этого предмета. То же самое верно в отношении свойств и действий предмета. Чтобы построить пропозицию из двух понятий, репрезентирующих, например, предмет и его свойство, ребенку надо лишь заменить образами соответствующих, хотя и новых для него слов свои чувственные репрезентации предмета и его свойства. Для этого ему не нужно усваивать никаких правил грамматики и лингвистических законов. Достаточно просто подражать окружающим¹.

Язык не является чем-то самостоятельным и независимым от прочих когнитивных функций человека. Он не «отдельный лингвистический модуль», как утверждает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка, а часть когнитивного аппарата, использующая те же когнитивные способности человека и даже те же психические феномены. Разница лишь в том, что чувственные образы слов имеют дополнительное символическое значение. Использование языка является высшей, но естественной частью процесса когнитивного развития человека, а вербальные модели реальности надстраиваются над чувственными ее репрезентациями как их органичное дополнение и развитие, так как язык базируется на чувственных репрезентациях мира.

Вербальные репрезентации окружающих сущностей возникают у ребенка на базе чувственных репрезентаций, сначала лишь обозначая и замещая в его сознании доступные восприятию сущности. По мере усвоения языка и расширения словарного запаса ребенок начинает постигать вербальные концепты, репрезентирующие сущности, недоступные восприятию.

Вербальные конструкции являются репрезентациями реальности (окружающей, прошлой, будущей, возможной и даже вымышленной), а потому их структура определяется чувственными репрезентациями соответствующей реальности, а не логическими законами или правилами языка.

¹ Оппоненты могут сказать, что окружающие как раз и подчиняются правилам грамматики и лингвистическим законам. Но и это не так. Более 10 % взрослого населения, по данным ЮНЕСКО, неграмотны, то есть никогда не учились, видимо, как и их родители. Но они хорошо владеют родным языком. Впрочем, не только они, но и образованное население мира не только не пользуется, но и в абсолютном своем большинстве не сможет воспроизвести ни один лингвистический закон. Правила же грамматики нужны им лишь при письме. Язык не функционирует по правилам грамматики и лингвистическим законам, так же как окружающий нас мир не регулируется физическими законами. Все законы и правила – это лишь вербальные конструкции людей, пытающихся понять мир. Язык соответствует чувственно воспринимаемой реальности и в конечном счете лишь новым способом отражает окружающий мир, а потому исследователи и «обнаруживают» в нем лингвистические законы, логичность, последовательность и порядок.

Устным и письменным языковым конструкциям (фразам и предложениям) в сознании соответствуют вербальные конструкции, которые могут быть осмысленными (*мама варит кашу*), если они правильно репрезентируют реальность, и бессмысленными (*висит зеленый смех*), если они реальность не репрезентируют.

Универсальные глубинные структуры языка — это не что иное, как сходные у всех людей чувственные репрезентации общего для всех мира. Соответственно, глубинная структура предложения — это сходные у всех людей чувственные репрезентации того элемента реальности, который репрезентируется данным предложением. Чувственная репрезентация легко трансформируется в специфические для конкретной культуры вербальные конструкции, а затем — в так называемые поверхностные структуры, то есть в предложения разных языков. Причем делает это по правилам, присущим конкретному языку.

§ 4. Вербальные репрезентации — основа человеческого разума

Что такое разум?

Нам известна пока лишь одна форма разума — психическая¹. Разум можно условно разделить на два уровня — низший (чувственный, или животный) и высший (человеческий, или вербальный).

В психологии разум, или ум, трактуют как способность понимания и осмысления; высшую умственную способность и сущность человека, лежащую в основе познания им мира и целенаправленного поведения в нем. М. Кордуэлл (2000, с. 270) замечает, что термин используется для обозначения совокупности сознательных процессов (восприятия, внимания или интеллектуальной деятельности). В. А. Жмуров (2012) рассматривает разум как гипотетическую, а иногда и метафорическую конструкцию, представляющую умственные способности и ментальный опыт личности.

В то же время, как пишет, например, Р. С. Немов (2007, с. 356), термин «разум» недостаточно четко определен в своем научном значении. Чаще всего с его помощью обозначают интеллект или совокупность мыслительных, познавательных процессов человека.

¹ Специалист по истории гуманитарных наук Р. Смит (2014, с. 151) пишет, что в последние десятилетия XX в. и начала XXI в. ряд исследователей мозга и философов сознания ясно и определенно заявили, что знания о совершающемся в мозге объясняют, что именно происходит, когда люди что-то чувствуют или действуют.

То есть в очередной раз, но уже на новом уровне повторяется виток привычного для психологии процесса редукции психики и сознания к чему-то более простому, но зато доступному для объективного исследования.

Другими словами, разум представляет собой психическую сущность, несомненно, имеющую референты в реальности, так как он позволяет, например, отличать человека от прочих живых существ. Однако в силу своей сложности и многомерности эта психическая сущность пока недостаточно четко определена. Тем не менее, несмотря на трудности с ее определением, мы можем выделить то, что позволяет нам говорить о наличии разума у живого организма.

Главным образом это правильное, целесообразное в данной ситуации (с нашей точки зрения) поведение организма. Применительно к человеку это еще и качество создаваемых им языковых конструкций, которые должны быть адекватными ситуации, связными, целесообразными, последовательными, понятными нам и правильными (с нашей точки зрения). Следовательно, **мы говорим о наличии разума, если организм эффективно и правильно (как мы считаем) репрезентирует мир и действует в нем, а человек еще и создает на основе своих репрезентаций правильные и понятные другим людям языковые конструкции.**

Как мы определяем качество чужих языковых конструкций?

Исключительно по их понятности или непонятности нам, их правильности и уместности. Субъективно оценивая их, мы делаем вывод, что их создал кто-то разумный, не вполне разумный или вовсе неразумный.

Разум чувственно-образного, или животного, уровня выражается в форме возникающих в психике сенсорных репрезентаций, адекватных окружающему миру; в возможности достраивания имеющихся незавершенных или неполных сенсорных репрезентаций; в построении прогностических чувственных репрезентаций вероятных изменений актуальной окружающей реальности и действий организма, необходимых в ней. Наличие адекватных, упорядоченных и связанных между собой чувственных репрезентаций окружающей реальности вполне объясняет на этом уровне функционирование разума, от которого требуется правильное и эффективное представление мира в психике, обеспечивающее наилучшие приспособительные действия организма в нем.

Человеческий разум должен уже делать возможными адекватное вербальное репрезентирование окружающей реальности и самого человека в ней; творческое достраивание имеющихся незавершенных или неполных чувственных и вербальных репрезентаций, свободное произвольное манипулирование репрезентациями и их произвольные преобразования; построение вариативных прогностических вербальных репрезентаций возможных изменений реальности и преимущественно вербальных стратегий поведения, эффективных с точки зрения адаптации человека к миру; успешную коммуникацию с другими людьми благодаря способности экстериоризировать собственные вербальные конструкции в форме конструкций языковых.

В результате констатации (С. Э. Поляков, 2011; 2017) того факта, что понятия и вербальные конструкции — это никакой не «особый лингвистический модуль», самостоятельный и загадочный, а главное, не связанный с чувственными репрезентациями человека¹, с вербальных образов спал ареол таинственных психических сущностей. При рассмотрении феноменологии понятий и вербальных конструкций оказалось, что это такие же (преимущественно) слуховые и зрительные образы простых физических объектов — слов, как, например, визуальные и слуховые невербальные образы прочих физических объектов (зрительные образы книги, грозы и поля пшеницы или невербальные понятные нам слуховые образы гудка паровоза, рева мотора, жужжания мухи).

Различия между невербальными и вербальными образами восприятия заключаются в том, что первые имеют только одно значение — репрезентируют воспринимаемый объект. Тогда как вторые имеют дополнительное и более важное для человека значение. Они репрезентируют не столько сами слова, сколько совершенно иные сущности, которые обозначаются этими словами.

Постижение феноменологической сути и функций понятий и вербальных конструкций вполне позволяет нам объяснить содержательные механизмы разумной психической активности. При этом образов слов и конструкций из них, репрезентирующих не самих себя, а другие, дополнительные сущности, оказывается вполне достаточно для полного раскрытия содержательных механизмов человеческого разума. Каждому из нас, чтобы понять смысл разумной вербальной (и языковой) конструкции, например этого предложения, достаточно просто знать значения составляющих ее понятий.

Вербальные (и языковые) конструкции по определению осмысленны (если соответствуют реальности и нашему жизненному опыту) или бессмысленны (если им не соответствуют). Разум проявляется непосредственно в них. И именно они, а не биохимические или физиологические процессы в мозге являются содержанием и выражением человеческого разума.

Странными и даже нелепыми представляются поэтому доминирующие сейчас в психологии теории, согласно которым причиной разума является мозг, его электрическая или биохимическая активность и т. п. Они доминируют потому, что в психологии по-прежнему чрезвычайно сильна бихевиористская парадигма. Бихевиоризм, конечно, эволюционировал в менее радикальные и маскированные формы, но и сегодня преобладает в головах исследователей.

¹ Подобные представления до сих пор доминируют в лингвистике и когнитивной психологии.

Именно он не позволяет им принять очевидную реальность того, что проявления разума можно даже непосредственно увидеть (и услышать) в языковых конструкциях окружающих людей. И их не следует искать в нервных импульсах нейронов или в биохимии нейромедиаторов. Последние, несомненно, интересны сами по себе, но не как «ключи к разуму»¹, а скорее как его предпосылки. Как субстраты и механизмы, участвующие в процессах порождения психики, но не более того.

Психологическое изучение собственно психических явлений как проявлений и содержательной формы разума сейчас не просто нужно, оно необходимо немедленно и облигатно. Многие важнейшие психологические термины до сих пор не определены даже в самой психологии. Из последнего факта с очевидной неизбежностью следует, что, например **физиологи, пытающиеся изучать психические феномены, не могут понимать, что именно они изучают, поскольку даже психологи этого не знают, ибо сами не вполне разобрались еще с предметами своего изучения.** Говоря метафорически, для того чтобы начать изучать на биохимическом уровне, как растут грибы, надо сначала понять, что такое грибы и чем они отличаются от листьев, желудей и улиток.

Как буквы обеспечивают возможность письменности, так и понятия (ментальные образы известных и понятных человеку слов) обеспечивают возможность функционирования его разума. Изучать вместо вербальных образов и конструкций из них физиологическую активность мозга, чтобы понять сущность разума, так же «полезно» и «продуктивно», как изучать перья и чернила (вместо значений слов), чтобы понять смыслы текстов.

Несомненно, психическая разумная активность сопровождается и обеспечивается физиологической активностью мозга, а также выделением железами внутренней секреции множества гормонов и других биологически активных веществ, сокращениями сердечной мышцы, дыхательными движениями диафрагмы, перистальтикой кишечника и прочее и прочее. Однако из этого не следует, что разум — это физиологические процессы,

¹ Некоторые исследователи (см., например, К. Р. Рао (2006, с. 818–821)) высказывают предположение, что совсем не обязательно все психические явления сводятся к состояниям мозга и не существуют помимо этих состояний.

Я не придерживаюсь точки зрения о самостоятельном, не зависящем от центральной нервной системы существовании психических явлений. Но само наличие такой позиции свидетельствует о том, насколько далеко разнесены собственно психические феномены и, возможно, связанные с ними физиологические механизмы и состояния мозга. Насколько бесперспективно пытаться на данном этапе искать в темной комнате черную кошку, которая, не исключено, совсем и не кошка, да к тому же может и вовсе отсутствовать в комнате. Эта сегодняшняя бесперспективность поиска корреляций психических феноменов с физиологическими связана не только с несовершенством наших исследовательских возможностей в области биологии, но главным образом с отсутствием у нас адекватной психической феноменологии.

протекающие в организме. Подобные рассуждения — просто вредный и не соответствующий реальному положению дел редуccionизм.

Следует провести границу между содержанием человеческого разума — его психическими субстратами, с одной стороны, и механизмами его обеспечения, с другой стороны. Если его механизмы можно разделить на психологические (восприятие, мышление и т. д.) и биологические (головной мозг, нейронные сети, их электрическая и биохимическая активность и т. д.), то его содержание, или понятные людям психические проявления разума, — это несомненно прерогатива психологии. И привлечение для объяснения содержания человеческого разума анатомических, физиологических и биохимических сущностей мозга ничего не добавляет к пониманию разума¹.

Понятия и вербальные конструкции человеческого мышления — это основные его строительные элементы — общепонятные людям кирпичики, обеспечивающие опосредованную языком ясность и доступность для людей содержания чужих слов и языковых конструкций, а через них и вербальных мыслей. Экстериоризируемые человеком в форме языковых конструкций понятия и вербальные конструкции его мышления являются для окружающих основной, а главное, понятной и очевидной для них формой проявления его разума. Они несут в себе постижимые и ясные всем смыслы, дают каждому возможность заметить и признать наличие у Другого разума, аналогичного собственному.

Люди используют в своем мышлении понятия и конструкции из них. Они легко интериорируют в форме собственных понятий воспринятые ими чужие языковые конструкции и правильно понимают их. Одновременно они экстериорируют в своих словах собственные вербальные конструкции, легко понимаемые другими людьми, воспринимающими их. Следовательно, **все люди, владеющие определенным языком, имеют**

¹ Я по своему образованию и научной направленности — врач, воспитанный в традициях «советской материалистической» научной школы, поэтому не стоит полагать, что я склонен к психологизму и идеализму. Первая моя научная работа 50 лет назад была посвящена физиологии нервной системы. Но со временем для меня стало совершенно очевидно, что более высокий уровень развития любой системы нельзя понять и описать, исходя из нижележащих уровней. Так как у него есть свои новые, специфические сущности, обеспечивающие его функционирование.

Базовые уровни, конечно, тоже надо изучать, и они важны как сами по себе, так и для понимания более высоких уровней. Но высший уровень следует изучать непосредственно как таковой. Другими словами, попытки сведения психики и разума к физиологии и биохимии мозга — вредный редуccionизм. Еще раз хочу уточнить, что не предлагаю прекратить изучать корреляцию биологических параметров с психическими феноменами. Но на данном этапе развития науки, когда психические феномены часто недостаточно четко определены, а наше проникновение в биологические процессы весьма поверхностно, такого рода работы просто малоперспективны.

в своем сознании одни и те же субстраты человеческого разума — понятия и вербальные конструкции с общими понятными всем смыслами.

Понятия и вербальные конструкции замещают собой в психике людей чувственные психические репрезентации и прочие психические явления. Экстериоризировав их в форме конструкций языка, человек легко может сообщить другим людям о своих субъективных ощущениях и образах, даже о собственных эмоциях, желаниях и предпочтениях, может изменять поведение окружающих и предлагать им способы действий. Все это позволяет говорить, что материализованные в словах, фразах и предложениях **адекватные реальности понятия и вербальные психические конструкции являются основной формой выражения человеческого разума.**

Очевидность того факта, что понятия и вербальные конструкции обеспечивают вербальное мышление, а следовательно, и функционирование человеческого разума, доказывается тем несомненным обстоятельством, что мои оппоненты, читая данный текст, понимают сейчас в качестве моих репрезентаций реальности изложенные здесь слова, с которыми могут быть согласны или не согласны. И именно эти вербальные репрезентации, а не физиологические механизмы их мозга вызывают появление в их сознании вербальных конструкций, созвучных моим идеям или противоречащих им, то есть проявлений их собственного разума.

Вербальное содержание человеческой психики может быть относительно устойчивым и, наоборот, весьма изменчивым. К первому, кроме репрезентаций существенных событий личной жизни и жизни близких людей, относятся вербальные репрезентации физического и социального мира; научная картина мира; доминирующие в сознании членов общества и регулирующие поведение людей вербальные конструкции; вербальные концепты, репрезентирующие сущности, в наличие которых человек верит; некоторые наиболее выдающиеся (с точки зрения общества и самого человека) результаты вербального творчества людей (сюжеты литературных произведений, мифов, притч, басен и сказок, отдельные песни и стихи, пословицы и поговорки и прочее).

К изменчивому вербальному содержанию человеческой психики относятся вербальные репрезентации актуального мира, его обыденных событий, непрерывно происходящих с индивидуумом и близкими ему людьми, а также событий в стране и мире, наиболее широко освещаемых средствами массовой информации. Если устойчивое вербальное содержание человеческой памяти (и сознания) сохраняется на протяжении годов и десятков лет, то изменчивое вербальное содержание сохраняется на протяжении минут и дней, реже дольше.

Вербальные конструкции являются репрезентациями мира и представляют в сознании самую разную реальность — прошлую, физическую,

настоящую, вымышленную, искусственную, недоступную восприятию, психическую¹ и т. д. В процессе коммуникации вербальные репрезентации, в том числе идеи, предположения, теории, убеждения и т. д., как бы отрываются от индивидуального сознания, приобретая независимость от него. Они могут при этом широко распространяться между людьми и сохраняться уже в их сознании.

Пребывая сразу во многих сознаниях, вербальные репрезентации фрагментов реальности становятся объективными, противостоят каждому из индивидуальных сознаний как некая объективно присутствующая вне их, пусть и психическая, сущность. Значительная часть вербального содержания сознания членов общества сходна, и ее условно можно назвать общим психическим содержанием их сознания, так как многие вербальные конструкции поступают к людям из общих источников — учебников, средств массовой информации, книг, проповедей и т. п.

Все вербальные концепты и множество прочих вербальных психических конструкций (идей, мнений, оценок, взглядов и т. п.), которые можно назвать общим или объективным психическим содержанием сознания членов общества, способны жить в их сознании как бы собственной жизнью. Следует уточнить, однако, что объективным, то есть независимым от конкретного сознания и доступным многим людям, может быть лишь содержание вербальных психических репрезентаций, но не сами уникальные психические явления. **Объективны не психические феномены, а те сущности и фрагменты мира, которые эти феномены репрезентируют в конкретном сознании.**

Объективное общее психическое содержание сознания, являясь важнейшим элементом культуры любого общества, во многом формирует индивидуальную картину мира каждого его члена, определяя его мировоззрение, политические и религиозные взгляды, мораль и нравственность, культурные предпочтения, социальные стереотипы, суеверия и жизненные установки. Оно воздействует на поведение каждого человека и обуславливает закрытость его сознания для альтернативных вербальных репрезентаций окружающего мира, даже если те более адекватны реальности.

Передача общего (сходного) вербального психического содержания следующим поколениям с помощью языковых конструкций обеспечивает его негенетическое наследование новыми поколениями и даже его распространение в других обществах.

---

¹ Вербальные конструкции репрезентируют в том числе содержание самой психики, ее чувственные репрезентации, эмоции, состояния и т. д. В этом случае можно говорить о репрезентациях репрезентаций.

Тезисы

1. Главная функция психики — адекватное репрезентирование окружающего мира и его возможных изменений.
2. Разные психические феномены филогенетически едины и представляют собой, по всей видимости, этапы развития ощущения. Существует единая цепь последовательно усложняющихся психических феноменов: 1) ощущение → 2) психический образ, в том числе мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления) → 3) чувственная психическая конструкция = модель-репрезентация = чувственный концепт → 4) понятие = образ понятного слова → 5) вербальная конструкция, в том числе вербальный концепт.
3. Одним из основных результатов функционирования психики является даже не создание все более сложных психических феноменов, а формирование с их помощью сущностей окружающего мира (физических, социальных, психических и т. д.) по образцу сформированных первыми физическими сущностями: предметов, объектов и т. д. Психика репрезентирует «реальность в себе» сущностно, создавая для этого сложные психические явления, или психические конструкции.
4. Психические конструкции, репрезентирующие сущности мира, называются концептами. Они ассоциированы с понятиями, или образами слов, обозначающих соответствующие сущности. Концепты бывают чувственными (модели-репрезентации), вербальными и смешанными.
5. Вербальные образы, или понятия, феноменологически представляют собой такие же слуховые и зрительные образы, как и невербальные. Но в отличие от них образы простых физических объектов — слов приобретают в сознании дополнительное, символическое значение, превращаясь в результате из репрезентаций слов в репрезентации совершенно иных сущностей, обозначаемых этими словами.
6. Экстериоризируя свои вербальные мысли в форме языковых конструкций, человек опосредованно как бы передает их окружающим людям, которые понимают его, если владеют тем же языком, то есть имеют те же понятия с близкими по смыслу концептами. Языковые конструкции, адекватно репрезентирующие мир, являются внешним понятным для всех выражением человеческого разума, его материализованными в языке проявлениями.
7. Экстериоризируемые человеком в форме слов, фраз и предложений понятия и вербальные конструкции его мышления представляют собой важную форму и способ существования и проявления человеческого

54 Часть I. Предпосылки появления понятия *объективная психическая реальность*

разума, его психический субстрат, так как несут постижимые и очевидные для людей смыслы. Главное, их вполне достаточно для ясного и полного объяснения содержательной стороны человеческого разума.

8. Вербальные репрезентации мира социально обусловлены. Они создаются конкретными людьми, но сохраняются и накапливаются в сознании всех членов общества, а потом негенетически наследуются его новыми членами и участвуют в формировании их основных личностных конструкций.
9. Следует разделять биологические механизмы функционирования мозга, ответственные за возникновение психических феноменов, и психические проявления разума. Изучение первых с целью проникновения в сущность разума на нынешнем этапе развития психологии малопродуктивно. Изучение вторых перспективно и является прямой задачей психологии.